

Было время ужина, и холл третьего этажа быстро заполнили бойкие выздоравливающие, каждый со своей кружкой. Началась веселая дележка кефира, затем все уселись за столы, начали есть с аппетитом.

Дверь палаты отворилась, и меня пригласили войти — Михаил наконец распростился со своими гостями, которых и в этот вечер собралось предостаточно.

Первое, что бросилось в глаза, — густая черная борода, которая появилась уже в больнице. В остальном это был все тот же Боярский, разве что глаза его казались грустными, даже когда он шутил и улыбался.

— Что со мной случилось? — Михаил опередил мой вопрос. — Двадцать седьмого июня утром приехал из Ленинграда на «Мосфильм», где закончились съемки в фильме «Петербургский ростовщик». Ехал в машине рядом с шофером на натуре и уже заранее предвкушал удовольствие от предстоящей верховой езды, да еще в компании с такой партнершей, как Елена Коренева. Сам не заметил, как вздремнул с устатку. Потом был резкий удар, очнулся я уже в больнице. Вездесущие очевидцы рассказывали, что встречную машину на мокром асфальте занесло на нашу полосу движения...

или неудача сейчас — это дело случая. Песня может «попасть» в индивидуальность, или не очень. Вот Давид Тухманов, когда записывал песню «Так не должно быть», четко знал, чего хотел от исполнителей. Он пригласил Ольгу Зарубину и меня, мы и познакомились-то прямо на записи. А песня удалась, получился диалог о любви, обозначились какие-то отношения между героями песни — то, что хотелось и композитору и нам. Но так бывает не всегда, поэтому и хочется самому более активно участвовать в формировании репертуара.

— Для многих любителей эстрады ваше имя связано с понятием «современная манера исполнения песни». Как бы вы определили эту манеру?

— К сожалению, кое-кто имеет в виду определенную моду на тембр голоса, манеру держаться, характер песен. Мне же кажется, что самое главное в исполнителе практически не зависит от времени. Голос певца должен быть не похож на другие, иметь свою биографию, быть индивидуальным, неповторимым. Вы помните, была манера обрезать тополя, чтобы пух с них не летел. По-моему, самое угнетающее в том, что после этого все деревья превращались в абсолютно одинаковые обрубки. В какой-то мере сложившаяся сейчас профессиональная школа подготов-

«НАДЕЖДЫ МАЛЕНЬКИЙ ОРКЕСТРИК»

Наш корреспондент беседует
с Михаилом БОЯРСКИМ

В результате — весь джентльменский набор — сотрясение мозга, повреждение позвонка, почеч. Будем считать, что на сей раз повезло — выкарабкиваюсь потихонечку. Недели через две надеюсь снова приступить к съемкам.

Можно легко себе представить состояние двадцатидевятилетнего, полного сил человека, волею случая на месяц прикованного к постели. Но Михаил не унывает. Вспомнились слова кинорежиссера Светланы Дружининой о том, что Боярский каждый день пытается вставать, ходить по палате, постоянно рвется на съемочную площадку...

По итогам годовой анкеты «Звуковой дорожки» артист Театра им. Ленсовета Михаил Боярский занял четвертое место среди исполнителей эстрадных песен, опередив многих «именитых».

— По-моему, нужно относиться к подобному определению мест с чувством юмора. Ну хорошо, драматический артист занимает четвертое место среди певцов. А что если определить, какое место певец сможет занять среди актеров?

А если серьезно, то результат этот имеет и печальную сторону — видно, не так уж хороши дела в нашем «певческом цехе». Может быть, итог этого опроса в чем-то симптоматичен — немалому числу наших солистов отчаянно не хватает как раз «актерства», определенной подачи песни — движения, тембральных окрасок.

К тому же, видимо, по отношению ко мне сказалось и то, что телевидение довольно часто показывало меня в театральных ролях. У зрителей создался определенный драматический образ, и песни сейчас воспринимаются не самостоятельно, а как часть этого образа.

— Кстати, большинство предлагаемых вам сейчас ролей так или иначе связано с пеннием. Не началась ли определенная «эксплуатация» найденного однажды?

— Я волен отказаться, но не делаю этого. Зачем сознательно лишать себя богатейшей краски, которая может необычайно выразительно дополнить образ, показать его с другой, порой неожиданной стороны. Пенние ведь в традициях русского театра, театральной школы.

— Имеет ли песня для вас самостоятельное значение?

— Сейчас да. Аппетит, как говорят, приходит во время еды. Нужно только реально исходить из имеющихся вокальных данных. Прямо скажем, голос у меня нестабилен, долго япеть не могу, и завидую в этом качестве профессиональным певцам. В концертах обычно исполняю не более 3—4 песен.

Но вот если петь не одному, а хотя бы дуэтом или с ансамблем — тогда можно всерьез думать о создании какой-то концертной программы, состоящей не из уже известных вещей, а из принципиально новых песен.

И дело не в том, что мне не нравится то, что я сейчас исполняю. Просто успех

ки солистов способствует появлению шеренг вот таких «тополей» на эстраде. Порой бедная песня передается друг другу десятками солистов — и что толку. Нужна именно индивидуальность певца, чтобы сделать песню неповторимой, связать с образом определенного исполнителя. Азнавур, Дассен, Пугачева, Маккартни и многие другие, раз спев песню, навсегда «закрепляют» ее за собой.

Мне в общем-то очень неплохо бы поучиться вокалу, познать тонкости искусства певца, да что-то побаиваюсь. Как бы не получился в результате очередной, «среднестатистический» солист. Так что учусь в основном у своих друзей — профессионалов.

— Как вы относитесь к записи?

— Получаю огромное удовольствие даже от самого ее процесса, волнует вид наушников, микрофонов, звукорежиссера за стеклом. Все время бегаю в аппаратную, прослушиваю каждый дубль — все можно поправить, достичь именно того, к чему стремишься. В общем запись для меня — праздник души. В настоящее время идет запись двойного альбома с музыкой и песнями из кинофильма «Три мушкетера». В Ленинграде мне предлагали записать сольный «гигант» — но это было не то, чего хотелось бы. Сейчас попытаюсь договориться о записи в Москве, в фирме «Мелодия». Нужно составить репертуар из 12—15 песен, сделать какую-то разработку. Одному петь бы не хотелось, видимо, в записи, если она состоится, будут принимать участие и мои друзья — три-четыре человека.

— Каковы ваши последние работы в театре и кино?

— Последней ролью в театре был Советник из «Снежной королевы». Есть хорошие перспективы на следующий сезон.

В кино — уже упоминавшийся кинодевуль по Некрасову. Здесь богатые возможности для перевоплощений. Снова пою. Композитор Геннадий Гладков, с которым мы практически из фильма в фильм не расстаемся.

— Во многих письмах задаются вопросы, связанные с вашей личной жизнью. Что, по-вашему, могли бы об этом знать читатели?

— Ну, во-первых, что у меня этой самой личной жизни практически нет — время не позволяет. Вернее, моя личная жизнь — это сцена и эстрада. Я уже несколько раз сегодня говорил о самом заветном своем желании — объединить нескольких своих друзей в ансамбль, подобрать новый, близкий нам репертуар, создать своеобразный «надежды маленький оркестрик»...

Но коль взялся отвечать, то нужно отвечать до конца. Мы с женой, она тоже актриса, работает со мной в одном театре, очень бы хотели, чтобы у нас были дети — и чем больше, тем лучше.

Михаила Боярского навестил
Л. НИКИТИН.